

A romantic scene set in a forest at night. A man in a white shirt and dark vest is embracing a woman in a red dress. They are looking at each other closely. In the background, there is a stream, trees, and a horse. The moon is visible in the sky.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 9**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 9

<https://litres.ru/74020274>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике 9 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

Содержание

Сосна для внука	7
Недодать и передать	9
В строевой любви	11
Любовь без кино	13
Льдины	16
Все спорно	18
Без точки опоры	20
Нежить	22
Камень на душе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе

самом. Сборник 9

Дуэль любви

Наступает безмолвье разрухи,
Страсть исчезнет, утихнет молва,
И очертит бездушье разлуки
Чувств лишенная в сердце канва.
Ничего нам с тобою не надо –
От любви до вражды - один шаг,
Все: любви по крови листопада
Не найти даже зверю никак!
Ничего нам с тобою не надо,
От любви до вражды – один час,
И барьер на крови листопада
В одном зверя рождает из нас.
Нет ни горьких минут и ни духа,
Нет разлук – значит, нет больше нас,
Наша жизнь – это только разруха,
Созидательной мгле пробил час.
Будут тихо слагаться сказанья,
О несчастной – во счастье – любви,
Воздадутся во мгле наказаньем

Все безумные страсти в крови.
Воздаем мы друг другу лишь местию,
Пол исчез, и следа нет любви,
Мне тебя не представить невестой,
Ты мне лишь по вражде визави.
И дарю в листопад я оружие,
И иду в листопад пострелять,
Чтоб оставить кровавую лужу,
И тем самым отместке воздать.
Ну, а, может, подумаем вместе
Гнев в кровавом сомненье утих,
Все же ты, словно Ольга, невеста,
Все же я, словно Ленский, жених.
Созидательна мгла воздаянья,
Не упустит свой шанс – создать мир,
Где падут возведенные зданья,
Обратится поминками пир.
Там, где в цель поднимаются руки
В час последней минуты любви,
Где нет горше минуты разлуки,
След кровавый по листьям канвы;
Там, где в цель поднимаются руки
В час последней минуты любви,
Где нет горше минуты разлуки,
След кровавый по листьям канвы;
И где вновь мы вдвоем сцепим руки,

В час своей неразлучной любви,
Где нет горькой минуты разлуки
И кровавой по листьям канвы,
И где вновь мы вдвоем сцепим руки,
В час своей неразлучной любви,
Где нет горькой минуты разлуки
И кровавой по листьям канвы,
И кровавой по листьям канвы...

Сосна для внука

Долго жил, и верил в три себя:
Сына чтоб родить и дом построить,
Посадить и дерево, любя,
И почить на лаврах и в покое.
В жалком состоянии весна.
В более несносном – моя память.
Во дворе посажена сосна,
Что-то только внукам и оставит.
Мне же – лишь заботы вновь и вновь,
Пока корни к скалам не пристынут,
Пока внука первая любовь
К первым вздыханиям остынет.
Ты еще. Внучок, не у сосны,
Нет тебя рожденного в природе –
Разве, где еще родятся сны –
Во саду ли, или в огороде.
Сына не родил. Дом так себе,
Но сосну доставил из Урала,
Дом мой на Рублевке, не в избе,
Ведь не я, судьба все выбирала.
В жалком состоянии весна.
В более несносном – моя память.
Во дворе посажена сосна,

Что-то только внукам и оставит.
Мне же – лишь заботы вновь и вновь,
Пока корни к скалам не пристынут,
Пока сына первая любовь
К первым вздыханиям остынет.
Ты еще, сынок, не у сосны,
Нет тебя рожденного в природе –
Разве, где еще родятся сны –
Во саду ли, или в огороде.
И сосну я бережно полил,
В жалком состоянии коренья,
Кто-то ее, видно, не дорыл,
Вот тебе забота и волнение.
Деток нет пока, тебе отдам
То, что деткам, видно, полагалось,
Отдам жалость памятным годам,
Веткам нерастраченную жалость...
Деток нет пока, тебе отдам
То, что деткам, видно, полагалось,
Отдам жалость памятным годам,
Веткам нерастраченную жалость...
Отдам жалость памятным годам,
Веткам нерастраченную жалость...
Веткам нерастраченную жалость...

Недодать и передать

Свою любовь ко мне преувеличь,
Чем недодай. Кому-то – по-иному...
Земля бросает в небо счастья клич,
В своей любви стремится к неземному.
И лучше недодай, чем перебор,
Твоя любовь горька, как пыль полыни.
И ею не пресыщен с давних пор,
Но все в любви стремлюсь к небесной стыни...
Подсолнухи качаются, как лес,
На каждую макушку село солнце,
В любви моей не ангел, и не бес,
А кто-то средний, бликом из колодца.
Загадочна и суть, и глубина,
Как поле, где подсолнухи все в мошках,
И где ты смотришь стыло у окна,
Открыв лишь сверху малое окошко.
И где ты смотришь стыло у окна,
Открыв лишь сверху малое окошко.
Ты, словно, ловишь выпущенный луч
От солнца, но идущий из колодца.
Мою любовь к тебе не превозмочь,
Она легла на лес гирляндой солнца.
Но я не знаю, как мне быть: нежней

Или нахрапистей тебя неволить,
Ведь женщину понять всего важней,
Познать причину ее радости и боли.
Свою любовь ко мне преувеличь,
Чем недодай. Кому-то – по-иному...
Земля бросает в небо счастья клич,
В своей любви стремится к неземному.
И лучше недодай, чем перебор,
Твоя любовь горька, как пыль полыни.
И ею не пресыщен с давних пор,
Но все в любви стремлюсь к небесной стыни...
И ею не пресыщен с давних пор,
Но все в любви стремлюсь к небесной стыни.

В строевой любви

Я прапорщик, признался и отшит,
На море серебристо даль мерцает,
И чувствует, что скоро дождь, самшит,
Но что же делать мне в любви не знаю.
Я с мужеством удвоенным влюблюсь,
И храбро покорюсь стихии Неба,
В любви я вовсе в трусы не гожусь,
Ведь я еще в объятьях ее не был.
Ничем она меня не попрекнет,
Ее я даже пальцем не затронул,
И в Небе не бывал, его полет
Не осознал, не примерял корону.
А трон любви и в мыслях не держал,
И плахи отсеченьем не достоин,
Не целовал, не жал, не обожал,
Но к службе строевой я точно годен!
Я прапорщик, но генерал в душе,
Мне только двадцать, все я наверстаю,
Самшит был прав: и крапает уже,
На краповый берет, но не растаю.
Я мужественно выдержу свой срок,
Хоть год, хотя не знал любви я сроду,
И пусть потом потеет новичок -

Я, слава Небу, долг отдам народу...
Ничем любовь меня не попрекнет,
Ее я даже пальцем не затронул,
И в Небе не бывал, его полет
Не осознал, не примерял корону.
А трон любви и в мыслях не держал,
И плахи отсеченьем не достоин,
Не целовал, не жал, не обожал,
Но, строевой, к большой любви я годен!
Не целовал, не жал, не обожал,
Но, строевой, к большой любви я годен!
В любви я к строевой, как маршал, годен!

Любовь без кино

Я консерватор старый, и под это
Купил билеты женщине в кино.
Хотел в плену любовного сюжета
Признаться ей, но в фильме черти что!
Ты чуть сопротивлялась, это видно,
Хотела повздыхать, как и в кино,
Но мне вдруг стало за тебя обидно
Я консерватор, старый заодно.
Хотелось повздыхать и мне, пожалуй,
Но от избытка чувств осоловел,
И кровь не закипела, была алой,
А стала сталью, так я обомлел!
Нет тумана без обмана,
А любви нет без кино,
Ничего нет без тумана,
И в кино – туман и дно.
Кончилась любовь без фильмов,
Как ни крутишь колесом,
В молоке ацидофильном –
Уже секс и Это все!
Кончилась любовь без фильмов,
Как ни крутишь колесом,
В молоке ацидофильном –

Уже секс и Это все!

Это все – ну, как присоска –

Секса сближенная даль.

И ушло кино, где вздохи

Означают лишь печаль.

Я консерватор старый, и за это

Увел тебя быстрее из кино.

Хотел в плену любовью сюжета,

Признаться, но ведь в фильме черти что!

А рядом молодежь, да в школьной форме,

И мальчики, и девочки сидят,

Ну, на какой, скажи, стоят платформе?

Что выйдет из тех гаденьких утят?!

Мечтают в порно-звезды обратиться,

А, кстати, где же женщина моя?..

Я консерватор, со страной катиться

В тартарыры – нет, не намерен я!

В школах гонят порнофильмы,

Все про Это да про То,

В молоке ацидофильном -

Лошадь – с нею конь в пальто...

Во что смену превращают,

В Пятый Рим – избыть любовь?

Ничего не ощущаю -

Не кипит в избытке кровь;

Ничего не ощущаю -

Не кипит в избытке кровь...

Льдины

Я дверцу для выхода счастья оставлю –
И им поделюсь, пусть летит!
Иначе от полного счастья – растаю,
Кто вновь меня в лед обратит?
Вот так и живем: то вдруг таем, то крепнем,
Осколки летят изо льда,
Вот так вот и любим, то вспыхнем, то смеркнем
И каждом огонь и вода.
Я льдина, а не подорожник унылый,
Наступишь пятой – и пропал,
По счастью мой путь по мечтам и могилам,
К кометам летящим - портал.
По счастью мой путь по мечтам и могилам,
К кометам летящим - портал.
И ты, как комета - по счастью – мы оба
Огонь и вода – все летишь,
Летишь в стороне, а я спутник, я «Фобос»,
И слышу в эфире - твердишь:
Пусть в космосе кончится лед, я – готова
Застывшую кровь возместить,
Лишь только любви пусть дадут, где основа –
Быть льдом, но при этом – любить.
Такая любовь ко мне той, что как льдина,

Еще холоднее, чем я,
Я дверцу открою в ее темной стыни,
Где участь во льдах - толчея.
Я дверцу открою в ее темной стыни,
Но участь во льдах – толчея,
Осколков любви, как песка всей Пустыни,
И льдина неведома чья.
Но дверцу для выхода счастья оставлю –
Я им переполнен во льду,
Где я, как комета, иду на снижение,
Но к вечности не подойду...
Где я, как комета, иду на снижение,
Но к вечности не подойду...
И ты, как комета - по счастью – мы оба
Огонь и вода – все летишь,
Летишь в стороне, а я спутник, я «Фобос»,
И слышу в эфире - твердишь:
Пусть в космосе кончится лед, я – готова
Застывшую кровь возместить,
Лишь только любви пусть дадут, где основа –
Быть льдом, но при этом – любить.
Быть льдом, но при этом – любить.

Все спорно

Судьи в нашем споре нет в мире нигде,
В любви кто судья – бюрократ он,
Бессмысленны волны кругов на воде
Все спорно, и спор наш оправдан.
А кто-то сказал, что отчаянья нет -
Оно только плод заблуждений,
Отчаянье – грех. Вот и весь тут ответ,
Есть грех – есть предмет «оспорений».
И все оспоримо, бесспорности нет –
Еще нет любви, не получен ответ
На главный вопрос: что же будет?
И нет обвиненных, и жертв тоже нет
Христом от Отца не получен ответ –
Кто вечное Пламя раздует...
Никто не возьмется оспорить грехов
Что нет их хоть в ком-то из грешных...
Но, может, в отчаянье – эхо веков
В любви роковой безуспешных?
Эпохи ревут, рвутся в клочья века,
Раскиданы в мире вселенных.
Но нет там любви, и греха нет пока,
И нет там учений нетленных.
Но все оспоримо, бесспорности нет –

Еще нет любви, не получен ответ
На главный вопрос: что же будет?
В любви нет меня. И тебя тоже нет,
Отчаянье в клочьях – хороший букет,
Для той, кто в веках позабудет.
А кто-то сказал, что отчаянья нет -
Оно только плод заблуждений,
Отчаянье – грех. Вот и весь тут ответ,
Есть грех – есть предмет вожделений.
Но как же судить тебя, ты – идеал,
Да, я из числа нелюбимых,
Я истину эту так долго искал,
Но нет истин неоспоримых.
Тебя я так долго, так долго искал,
И не любви неоспоримой!
И нет любви не оспоримой!

Без точки опоры

Давно в душе уже забыта родни всей итальянской рать,
Но итальянские сапожки пошли в бутик мы покупать.
Купили, и я стал ревнивцем: один слепой тебя не съест,
И вскоре сапогом помпезно ты бросила меня в подъезд.
Непостоянен мир, герою - нужны условия игры:
В Земле до бездны я дорою, с Земли - достану до Луны...
В цепях, что Лаокоон в удаве, - Гераклом звенья рву в
цепях.

Освобожусь от спорной славы – свободы дайте на гвоздях!
Как йог я корчусь и страдаю, но дайте под ноги огня!
Себя от пут освобождаю, освободитесь от меня!
Вот цепи порваны и звенья – со звоном - в гвозди и в
огонь!

Освободите от забвенья – любви желаю испокон!..
Как йог я корчусь и страдаю, но дайте под ноги огня!
Себя от пут освобождаю, освободитесь от меня!
Вот цепи порваны и звенья – со звоном - в гвозди и в
огонь!

Освободите от забвенья – любви желаю испокон!..
Живу в подъезде и страдаю, хочу в Италию слетать,
Стоит Везувий, как Аипетри, и может славы смерти дать.
Пусть позабудет, пожалеет, та, что на шпильках в сапогах,
Нет, ни один в душе романтик

Не петрит в женских рычагах.

Желаю я в забвенье – славы, а в славе – полюбить на век!..

Течет сомненье сгустком лавы – непостоянен человек!..

О, дайте точку мне опоры - и сдвину Землю рычагом!..

Шпыняют в Апеннинах горы

Простым – на шпильке - сапогом...

Как йог я корчусь и страдаю, но дайте под ноги огня!

Себя от пут освобождаю, освободитесь от меня!

Вот цепи порваны и звенья – со звоном - в гвозди и в
огонь!

Освободите от забвенья – любви желаю испокон!

Освободите от забвенья – любви желаю испокон!

...Любви желаю испокон!..

Нежить

Росинки падали с осоки,
Смотрел я в линию бровей,
И взгляд наш встретился, отскоком
Мой первый взмыл в шатер ветвей.
И думал я: что мы пропали,
В мгновенной линии любви...
Над нами кони проскакали,
И стало душно, как в пыли.
Из клуба пыли он, разбойник,
Лесной бродячий соловей
Возник и затянул в помойник,
Своих неведомых кровей:
«Я громадьe дубов и нежить
В ветвях, что губы раскатал,
Мешая и любить, и нежить
Кто по до мною проскакал.
Я – нежить, нежить я не стану.
Скачи, лежи, лети, жужжи?..
С губой до пола - и кристален?!
Иди, кому в лесу скажи!
С губой до пола - и кристален?!
Иди, кому в лесу скажи!..»
Стояла, в страхе умирала,

Не от любви та, с кем я был,
А тот разбойничее жало
В мою любовь бесстыдно впил.
А я лежал, не шелохнувшись,
Как Илья Муромец, лежал,
А нежить, мной не поперхнувшись,
Силищи этой и не знал.
Я печки слез, расправил плечи,
И вызволил свою любовь.
Сидели пчелка и кузнечик,
Но слышал каждый вновь и вновь:
«Я к каждому завистлив, жаден
До грязных помыслов своих,
Я вниз сползу, и в листопаде
Зарою легших там двоих.
И воздуха, что преет в листьях,
Я выводку шмелей не дам,
Я и себе зеленой мезью
Дам по раскатанным губам.
Я – нежить, нежить я не стану.
Скачи, лежи, лети, жужжи?..
С губой до пола - и кристален?!
Иди, кому в лесу скажи!
С губой до пола - и кристален?!
Иди, кому в лесу скажи!..»
Кристаллом черным в корневищах

Он рос и в лес отпущен был,

Как тварь гонимая, был нищим,

Губу скатав, - завистлив стал.

Он – нежить, нежить и не станет.

Скачи, лежи, лети, жужжи?..

С губой до пола - и кристален?!

Иди, кому в лесу скажи!

Он – нежить, нежить и не станет.

Скачи, лежи, лети, жужжи?..

С губой до пола - и кристален?!

Иди, кому в лесу скажи!

С губой до пола - и кристален?!

Иди, кому в лесу скажи!

Иди, кому в лесу скажи!

Камень на душе

(или поиск утешения)

Камень рос на печальной душе:

Как в прострации жизнь, на коленях,

На колени хотел в неглиже

Я тебя посадить вожделенно.

Наконец я добился мечты,

И тебя посадил на колени,

Только чуть приоткрытые рты

Не слились в поцелуй вожделенный.

Ничего не свершилось. Любви

Оказалось ненужно ни йоты,

Ведь я думал: колени твои

Невесомы, как ноги у йога.

Поищи хорошо – и найдешь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.